

АРКАДИЙ ГАЙДАР

НА

ГРАФСКИХ

РАЗВАЛИНАХ

Аркадий Гайдар

На графских развалинах

«Public Domain»

1929

Гайдар А. П.

На графских развалинах / А. П. Гайдар — «Public Domain», 1929

«Из травы выглянула курчавая белокурая голова, два ярко-синих глаза, и слышался сердитый шепот: – Валька... Валька... да заползай же ты, идол, справа! Заползай сзади, а то он у-ч-ует. Густые лопухи зашевелились, и по их колыхавшимся верхушкам можно было догадаться, что кто-то осторожно ползет по земле. Вдруг белокурая голова охотника опять вынырнула из травы. Свистнула пущенная стрела и, глухо стукнувшись о доски гнилого забора, упала. Большой, жирный кот испуганно рванулся на крышу покривившейся бани и стремительно исчез в окне чердака...»

© Гайдар А. П., 1929

© Public Domain, 1929

Содержание

I	5
II	7
III	10
IV	12
V	14
VI	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Аркадий Гайдар

На графских развалинах

I

Из травы выглянула курчавая белокурая голова, два ярко-синих глаза, и послышался сердитый шепот:

– Валька... Валька... да заползай же ты, идол, справа! Заползай сзади, а то он у-ч-ует.

Густые лопухи зашевелились, и по их колыхавшимся верхушкам можно было догадаться, что кто-то осторожно ползет по земле.

Вдруг белокурая голова охотника опять вынырнула из травы. Свистнула пущенная стрела и, глухо стукнувшись о доски гнилого забора, упала.

Большой, жирный кот испуганно рванулся на крышу покривившейся бани и стремительно исчез в окне чердака.

– Ду-урак... Эх, ты! – негодуя, проговорил охотник поднимающемуся с земли товарищу. – Я же тебе говорил – заползай. Там бы сзади как удобно, а теперь на-ко, выкуси... Когда его опять уследишь.

– Заползал бы сам, Яшка. Там крапива, я и то два раза обжегся.

– «Крапива»! Когда на охоте, то тут не до крапивы. Тебе бы еще половик подостлать.

– А раз она жжется!

– Так ты перетерпи. Почему же я-то терплю... Хочешь, я сейчас голой рукой ее сорву и не сморгну даже? Вру, думаешь?

Яшка вытер влажную руку, выдернул большой крапивный куст и, неестественно широко вылупив глаза, спросил, торжествуя:

– Ну что, сморгнул? Эх ты, нюня.

– Я не нюня вовсе, – обиженно ответил Валька. – Я тоже могу, только не хочу.

– А ты захоти... Ну-ка, слабо захотеть? Веснушчатое курносое лицо Вальки покраснело; не принять вызова он теперь не мог.

Он подошел к крапиве, заколебался было, но, почувствовав на себе насмешливый взгляд товарища, рывком выдернул большую, старую крапивину. Губы его задрожали, глаза заслезились; однако, сию же минуту вызвав улыбку, он сказал, немного заикаясь:

– И я тоже не сморгнул.

– Верно! – по-чистому согласился Яшка. – Раз не сморгнул, значит, не сморгнул. Только я все-таки посередке хватал, а ты под корешок, а под корешком у ей жало слабже. Ну, да и то ладно! Знаешь что? Пойдем давай во двор, там девчонки играют, а мы им сполох устроим.

– А мать дома?

– Нет. Она на станцию молоко продавать пошла. Никого дома нету.

Во дворе возле забора домовитые и стрекотливые, как сороки, две девочки накрыли сломанный стул и табурет старым одеялом и, высунувшись из своего шалаша, приветливо зывали двух других девчонок:

– Заходите, пожалуйста, в гости! У нас сегодня пироги с вареньем. Заходите, пожалуйста!

Но едва только гости чинно направились на зов, как хозяйки шалаша испуганно переглянулись:

– Мальчишки идут!

Яшка и Валька приближались медленно, спокойно, ничем не выдавая на этот раз своих истинных намерений.

– Играете? – спросил Яшка.

– У-ухо-дите! Чего вы лезете? Мы к вам не лезем, – плаксиво сказала Нюрка, Яшкина сестренка.

– Отчего же нам уходить? – еще мягче спросил Яшка. – Мы посмотрим да и пойдем дальше. Это что у вас такое? – И он ткнул пальцем в одеяло.

– Это наш дом, – ответила Нюрка, несколько озадаченная таким необычно мирным подходом.

– До-ом? А разве дома из одеялов строят? Дома строят из бревен или из кирпича. Вы бы потаскали кирпичей с «Графского» и построили крепкий, а этот чуть толкнешь – он и рассыплется.

И Яшка потрогал ногою табуретку, чем вызвал немалую панику у обитателей шалаша.

– Ну, ладно. А где же у вас пирог?

– Вот тут, – тревожно следя за каждым движением Яшки, ответила Нюрка.

– Вот дуры-то! Все у них не по-людски. Дом из одеяла, а пироги из глины. А ну-ка, съешь один пирог, ну-ка, кусни. А... не хочешь? Людей такой дрянью угощаешь, а сама не хочешь... Валька, давай мы все ихние пироги им в рот запишем. Сами напекли, пускай и жрут.

– Я-а-а-шка! – безнадежно-тоскливо в один голос затянули девчонки. – Я-а-шка... у-уходи, ху-ли-и-га-ан.

– А... вы еще ругаться! Валька, в атаку на это бандитское гнездо!

Только-только угроза разгрома и расправы вплотную нависла над мирными обитателями шалаша, как вдруг Яшка почувствовал, что кто-то крепко взял его сзади за вихор.

Девчонки, точно по команде, перестали выть. Яшка обернулся и увидел Валькины пятки, исчезающие за забором, да рассерженное лицо матери, вернувшейся с вокзала.

– Марш домой! – крикнула мать, давая ему шлепка. – Ишь, разбойник, и игры-то у него разбойные...

Смотри-ка, какой Петлюра выискался! Вот погоди, придет отец – он тебе покажет, как атаманствовать!

II

Отец у Яшки старый – уже пятьдесят четыре года стукнуло. Служит он сторожем в совете, а раньше садовником у графа был.

В революцию граф с семьей убежал. Усадьбу старинную мужики сгоряча разграбили. Невдомек было, видно, что усадьба-то пригодиться может. В суматохе кто-то то ли нарочно, то ли нечаянно запалил ее. И выгорело у каменной усадьбы все деревянное нутро. Одни только стены сейчас торчат, да и те во многих местах пообвалились. А от оранжерей и помину не осталось. Стекла в гражданскую войну от орудийной канонады полопались, а дерево сгнило.

Раньше хоть мимо дорога была, но с тех пор как построили новый мост через Зеленую речку, совсем усадьба в стороне осталась. И стоит она на опушке, над оврагом, как надмогильный памятник старому режиму.

Отец Яшки, Нефедыч, вернулся сегодня вовсе добрым, потому что получка была. А в получку каждый человек, конечно, добрый, и потому, когда мать начала жаловаться на Яшку, что нет с ним сладу, отец ответил примирительно:

– Ничего, осенью в школу опять пойдет, тогда за ученьем дурь из головы вылетит.

– До осени-то еще долго. Он и вовсе избалуется. Тебе-то что, а у меня он на глазах.

Яшка сидел молча, уткнув голову в тарелку, и не оправдывался.

Это отмалчивание еще больше рассердило мать, и она, бухая на стол горшок с кашей и свиной, продолжала:

– Этак из мальчишки добра не выйдет. Тоже пошли деточки... Я сегодня с вокзала иду, смотрю – в стоге сена, возле тропки, что-то ворочается. Уж не наш ли поросюк забежал?... Подошла, глянула, да так и обмерла. Высовывается оттуда рожа, че-ерная, ло-охматая, вся как есть в саже. Во рту сигарка, а в руке рогуля с резиной, а в резине камушек. Мальчишка лет тринадцати, а страшный – сил нету. Я назад, а он как засвищет, да этак засвищет, что аж в ушах зазвенело.

При этих словах Яшка насторожился, а Нефедыч аккуратно сложил газету и сказал:

– В совете у нас про это самое разговор был. Говорят, объявился у нас в местечке какой-то беспризорный. И зачем его к нам занесло – уму непостижимо. Местечко у нас маленькое, стороннее, от главной линии только ветка. У нас рассуждали – что не изловить ли его? Так опять – куда ты его денешь? В суд – нельзя, пока за ним проступков никаких не замечено. Беспризорного дома у нас нет, а в город отправлять – возня. Секретарь говорил, что, должно быть, беспризорный и сам скоро убежит, потому что у нас ему неинтересно: ни публики на вокзале, ни толпы на улице – кошелек спереть из кармана и то не у кого.

Яшка, ошеломленный услышанным, забыл про кашу и прилип к табуретке. Потом, сообразив, что, вероятно, он пока является единственным обладателем подслушанного сообщения, заерзал, бросил недоеденную тарелку и, невзирая на грозный окрик матери, понесся на двор, срочно поделиться с Валькой важной новостью.

Он бросился к забору Валькиного сада и чуть не лбом столкнулся с перелезающим навстречу Валькой.

– А я, брат, чего знаю! – сказал, переводя дух, Яшка.

– Нет, ты слушай лучше, что я знаю.

– Про что ты можешь знать! Ты знаешь про неинтересное, а я про интересное.

– Нет уж, я-то про самое интересное знаю.

– Знаю я, про какое интересное ты знаешь. Наверное, про то, кто нашу ныртку на проток перекинул? Так это что, а я вот знаю!

– Ничего ты не знаешь. А ну давай об заклад биться: если ты знаешь интересней, я тебе две стрелы с напайками дам, а если я интересней, то ты мне... ножик.

– Ишь ты какой ловкий!.. Ножик-то почти новый, у него только одно лезвие сломано, а от второго еще больше полполовины осталось... Хочешь, я тебе патрон дам?

– На что он мне? У меня своих три.

– Так у тебя же пустые, а я нестреляный дам; его ежели в лесу в костер бросить, так он как ухнет.

– Ну ладно. Чур – так! Говори. А то ты увидишь, что моя берет, и скажешь, что про это же самое знаешь, чтобы не отдавать.

– Так тогда как же?

Оба мальчугана постояли, задумавшись, потом Яшка прищелкнул языком и сказал:

– А вот как! На тебе гвоздь и нацарапай им на заборе про что у тебя, а потом в другом месте нацарапаю я, тут уже будет без обмана.

Оба долго пытели, вычеркивая кособокие буквы. Через минуту оба хохотали.

– Да у нас про одно и то же. Только у меня написано «про беспризорного», а у тебя «про беспризорного налетчика». Почему же, однако, он налетчик?

– А уж обязательно налетчик, – снижая голос, ответил Валька. – Они все такие – у них в кармане либо финский нож, либо гиря на ремне. А то чем же они питаться станут!

– А может, попросят где, – сомневаясь в словах товарища, сказал Яшка, – либо яблок по садам накрадут, вот и жрут.

– Ну уж и «попросят»! Скажешь тоже... Да кто же таким страшным подаст? Нет уж, ты поверь мне, что налетчик. Симка Петухов его сегодня повстречал. Симка говорит, что как выскочит тот из ямы возле кирпичных сараев и кричит: «Выкладывай все, что есть», а сам махает гирей; а гиря тяжелая – десять фунтов.

– Ну уж и десять?

– Ей-богу, десять. Симка еле утек. Он бы, говорит, вступил с ним в сражение, да был без оружия, палки – и той под рукой не было.

– А может, он врет, Симка-то? Что с него грабить? Я сам видел в окно, как он мимо пробежал. На нем одни штаны только до колен, а рубахи и той не было.

Последний довод смутил несколько Вальку, но, не желая сдаваться, он ответил уклончиво:

– Уж не знаю чего, а только налетчики всегда такими словами разговор начинают, это у них уже такая привычка.

– Валька! – сказал, немного подумав, Яшка. – А как же теперь... мальчишки? Подика, все струхнут.

– Обязательно струхнут. Чуть вечер, поди, и за ворота выйти побоятся.

– А ты?

– Я-то... – Валька горделиво усмехнулся. – Я что! Я и сам... я вот сегодня ножик перочинный отточу да на бечевке под рубахой к поясу привяжу. Так и буду ходить, как черкес. Пусть только попробует сунуться!

– А я налобок возьму, которым в ямки играют. Он крепкий, дубовый. Приходи завтра пораньше утром под окошко и крикни меня. Да только не ори, как вчера, во всю плотку, так, что мать даже с постели вскочила – думала, говорит, что пожар или сполох какой.

– Не... я тихонько.

– Валька... – спросил Яшка, перед тем как уйти. – А отчего они черные такие?... Как мать говорит, хуже черта.

– Оттого, что они под мостами либо в котлах ночуют.

– А зачем же в котлах? – еще больше удивился Яшка. – Какой же есть интерес в котле ночевать?

– Какой? – Валька задумался. – А такой, что ежели ты его в постель положишь, то он и глаз закрыть не может, а обязательно, чтобы в котле. Это уж у них такая природа.

III

В последующую неделю были немалые толки и пересуды среди мальчишек местечка. Беспризорный этот, по-видимому, и на самом деле оказался настоящим разбойником.

Например, в ночь с субботы на воскресенье оказался целиком очищенным от яблок сад тетки Пелагеи. В поповском доме неизвестно откуда залетевшим камнем вдребезги разбито стекло. А что еще хуже – пропал у Сычихи козел. То есть были обысканы все закоулки, все пустыри, а козла нет и нет...

Яшка все понимал. Ну, яблоки, скажем, про запас. В стекло камнем – просто для озорства. Ну, а козел на что? Ни шкуры с него, ни мяса не жрут.

– Жру-у-ут! – с увлечением подтверждал Валька. – Простые люди не жрут, а они все как есть жрут. Такая уж у них природа.

– Что ты мне забубнил, – рассердился Яшка, – природа да природа! По-твоему, может, и сырье жрут.

– И сырье и всякое! – еще с большим азартом принялся уверять Валька. – Мне Симка рассказывал, что когда был он в городе – такое видел! Идет торговка с корзиной, а беспризорные налетели... раз... раз, и не осталось от нее ничего.

– От торговли-то?

– Да не от торговли, а от корзины, с калачами там или с пирогами.

– Так ведь это пирог – пирог, он вкусный, а то козел – тьфу!

Валька оглянулся, подошел к товарищу поближе и сказал таинственным шепотом:

– Яшка! А Степка-то за нами выслеживает. Честное слово. Я пошел к «Графскому». Вдруг как ровно дернуло меня обернуться. Я присмотрелся. Гляжу, Степкина голова из-за кустов торчит и пристально этак за мной выглядывает. Я нарочно взял да и свернул логом к пустырю, а оттуда домой.

– Ну-у! – И у Яшки даже голос осекся от волнения. – А может, он просто нечаянно?

– Ну, нет, не нечаянно. Этак прямо смотрит и смотрит. А я гляжу – рядом куст колыхнулся... должно быть, там еще кто-нибудь из ихней партии сидел.

– Так ты, значит, там не был?

– Нет!

– А как же он там, голодный?

– Ничего, ему хлеба в прошлый раз много принесли и воды тоже. Жив будет до завтра. А завтра пойдем либо рано утром, либо к вечеру попозже, когда от мальчишек незаметней. Ух, как осторожно надо действовать, а то накроют! Нас двое, а их четверо. Кабы нам хоть кого третьего к себе придружить.

– Кого придружить? Ты его сегодня придружи, а он назавтра все ихним и выболтает. А тогда что? Тогда убьют его непременно.

– Убьют обязательно.

Возвращаясь домой, Яшка за огородами натолкнулся на своего закоренелого врага, Степку.

Встреча была неожиданная для обоих. Но противники заметили один другого еще изда-лека, и поэтому, не роняя своего достоинства, свернуть в сторону было невозможно.

Сблизившись на три шага, враги остановились и молча, внимательно осмотрели один другого. У Степки была палка – следовательно, преимущества были на его стороне. Осмотревшись, Степка презрительно и мастерски сплюнул на траву. Яшка не менее презрительно засвистел.

– Ты чего свистишь?

– А ты чего расплевался?

– Я вот тебе свистну! Вы зачем на нашего кота со стрелами охотитесь?

– А пусть в чужой сад не лезет. Когда наш Волк к вам во двор забег, вы зачем в него кирпичами кидали?

– А вы куда Волка девали? Вы врете, что его отравил кто-то. Вы сами его куда-то спрятали, потому что мы на него в суд за задушенных кур подали. Только вы нас не проведете... Погодите, мы до вас скоро докопаемся!

– Четверо-то на двоих, нашлись!

– Эх, и трусы! «Четверо»! Ваську тоже сосчитали, когда ему только девять лет.

– Что же, что девять. Он вон какой толстый, как боров... да и все-то вы свиньи.

Последнее замечание показалось настолько оскорбительным, что Степка схватил с земли глиняный ком и со всего размаху запустил его в Яшку.

И если кровавому поединку не суждено было совершиться, и если Яшка не пал на поле битвы от руки лучше вооруженного врага, то только потому, что этот последний вдруг дико вскрикнул и без оглядки бросился бежать.

Предполагая, что тот трусил, Яшка издал воинственный клич – и хотел было преследовать неприятеля, как вдруг услышал позади себя негромкий смех.

Он обернулся и тотчас же понял действительную причину поспешного исчезновения Степки.

Возле куста бузины стоял одетый в лохмотья черный невысокий мальчуган, в котором Яшка без труда угадал грозу всех мальчишек местечка, героя последних событий – беспризорного налетчика.

IV

И тотчас же Яшка понял, что он погиб окончательно и бесповоротно. Он хотел бежать, но ноги не слушались его. Он хотел закричать, но понял, что это бесполезно, потому что вокруг никого не было. Тогда решившись отчаянно защищаться, он стал в оборонительную позу.

Мальчуган в лохмотьях продолжал смеяться, и этот смех сбил еще больше с толку Яшку.

– Ты чего? – спросил он, с трудом ворочая языком.

– Ничего, – отвечал тот. – Что это вы, как петухи, – друг на друга налетели?

Мальчуган раздвинул кусты и очутился рядом с Яшкой.

«Сейчас гирию вынет», – с ужасом подумал тот и сделал шаг назад.

Однако, вместо того чтобы напасть на Яшку, беспризорный бухнулся на траву и, хлопая рукой по земле, сказал:

– Чего же ты столбом встал. Садись.

Яшка сел. Беспризорный засунул руку в карман и, к величайшему изумлению Яшки, вынул оттуда маленького живого воробья и поднес его ко рту.

– Сожрешь? – негодуя, воскликнул Яшка.

Беспризорный вопросительно поднял на Яшку маленькие ярко-зеленые глаза, подышал теплом на воробья и ответил:

– Разве ж воробьев жрут? Воробьев не жрут и галок тоже не жрут. Голубь – тут другой разговор. Голубя ежели в угольях спечь – вку-усно! Я их из рогатки бью.

Он сунул воробья за пазуху рваной бабьей кацавейки и, протягивая Яшке недокуренную сигарку, предложил:

– На, докури.

Машинально Яшка взял окурок и, не зная, куда его девать, спросил несмело:

– А козла ты зачем съел?

– Кого?

– Козла... Сычинного. У нас ребята говорят, что ты его упер на жратву.

Беспризорный хлопнул себя руками по бокам и звонко расхохотался. И пока он хохотал, оцепенение начало сходить с Яшки, и беспризорный представился ему в совершенно другом свете. Яшка рассмеялся и сам, потом подскочил и затряс кистью руки, потому что догоревший окурок больно ожег ему пальцы.

Успокоившись, подвинулись друг к другу ближе.

– Тебя как звать? – спросил беспризорный.

– Меня Яшкой. А тебя?

– А меня Дергачом.

– Почему же Дергачом?

– А почему тебя Яшкой?

– Вот еще скажешь тоже. Яков – такой святой был, и именины справляют. А такого святого, чтобы... Дергач, не должно бы быть...

– А мне и наплевать, что не должно.

– И мне, – немного подумав, признался Яшка. – Только ежели при матери этак скажешь, так она за ухо. Отец, тот ничего, он и сам страсть как святых не любит – якобы дармоеды все. А мать – у-уу! Про что другое, а про это и не заикнись. Я один раз масла из лампадки отлил – Волку лапу зашибленную смазать, так что было-то...

– Били? – участливо спросил Дергач.

– Нет! Только за волосы оттрепали да в чулан заперли. – И задорно он добавил: – А зато я, пока в чулане сидел, назло со всех крынок сливки спил... А ты, Дергач, зачем к нам пришел? – перескочил вдруг Яшка.

– Значит, нужно было, – ответил тот и глубоко вздохнул.

Этот тяжелый, горький вздох, за которым, казалось, спрятано было что-то большое, невысказанное, почему-то точно теплом обдал Яшку.

– Давай дружить, Дергач? – неожиданно для самого себя искренне предложил Яшка. – Я тебя с Валь-кой сведу – с моим товарищем. Хороший... только врет много. А потом... – Тут Яшка поколебался. – Потом мы тебе интере-есную вещь скажем. И как весело будет жить, Дергач.

Дергач ничего не ответил. Он лежал, подставив лицо отблескам багрового, угасающего горизонта. И Яшке показалось, что Дергач чем-то не по-детски глубоко опечален.

Однако, заметив на себе пристальный взгляд Яшки, Дергач быстро повернулся и сказал, вставая:

– Достань завтра у отца махорки... и принеси сюда, а то у меня вся повышла... Я буду ждать здесь же об эту пору.

И, не прощаясь, он раздвинул кусты и исчез, оставив Яшку размышлять о странной встрече и странном новом товарище.

V

Дома тихо. Потрескивают угли в самоваре. Яшка строгаёт деревянную дощечку. Нефедыч углубился в чтение. Из-за развернутого листа газеты виден его красный лоб, отсыревший после пятого стакана чая. Нюрка мастерит кукольную шляпу. Мать возится на кухне.

– Не пойму, – слышится ее голос. – Никак не пойму, куда девались из сеней полчугуна вчерашнего борща. Чугун на месте, а борща нет. Анка! Ты поросюку не выливала?

– Нет, мам!

– Ну так, должно быть, этот идол опрокинул. «Этот идол», то есть Яшка, сидит и пыхтит, обглаживая дощечку, и делает вид, что разговор его не касается.

– Тебе, что ли, говорят? Ты опрокинул? – сердито повторяет мать.

Яшка, нехотя и не отрываясь от работы, отвечает:

– Кабы я, мам, опрокинул, так все бы на полу было, а раз пол сухой, значит, и не опрокидывал.

– А пес вас разберет! – еще больше раздражается мать. – Тот не брал, этот не опрокидывал, что же он, высох, что ли? Отец! Да брось ты свою газету! Кто же, выходит, взял-то?

Нефедыч не торопясь складывает газету и, очевидно расслышав только конец фразы, отвечает невпопад:

– Действительно... И кто бы мог подумать. Опять они взяли, да как ловко, что и не подкопаешься.

– Да кто они-то? Кому же это прокислый суп понадобился?

– Да не суп... какой суп? – растерянно оглядываясь и с досадой отвечает Нефедыч. – Я говорю, консерваторы опять власть ваяли.

Убедившись в том, что ни от кого толку не добьешься, мать плюнула и принялась греметь посудой.

А Нефедыч, почувствовавший желание поговорить, продолжал:

– И казалось бы, что отошло их время. Ан нет, вывертываются еще. Скажем, вон, например, наш граф. Имение у него посожгли, сам где-то по границам шатается. А все, поди-ка, мечтает, как бы старое вернуть. Да еще бы и не мечтать! Возьмем хотя бы имение – чем там ему не жизнь была? Картинка – что внутри, то и снаружи. Одни оранжереи чего стоили. И чего там только не было – и орхидеи, и тюльпаны, и розы, и земляника к рождеству... Пальма даже была огромная, больше двух сажен. Специально с Кавказа, из-под Батума, выписали. Я говорю ему: «Ваше сиятельство, куда же мы эту махину денем – это всю оранжерею ломать придется!» А он отвечает: «Ничего, ты ее прямо в грунт посади, а каждый год к холодам возле нее специальную постройку из стекла делай, а к весне опять разбирать будем». Ну и разбирали. Красивая пальма была. Мне тогда за уход граф двадцать пять целковых подарил... как раз в мае.

– Вот еще спятил, старый. Да разве же у нас свадьба в мае была? Свадьбу как раз после троицы сыграли.

– Уж не знаю, после троицы или после чего, а только в мае мы тогда как раз левкой высаживали.

– Что ты мне говоришь! – раздражаясь внезапно, как и всегда, говорит мать. – Посмотри в метрики, за божницей лежат.

– Мне смотреть нечего. Я и так помню. Еще тогда старший барчук только что из кадетского корпуса на каникулы приехал и фотограф снимал его под пальмой. У меня и сейчас где-то карточка эта сохранилась... Яшка, я показывал тебе эту карточку?

– Сто раз видел, – отвечает Яшка.

Мать, негодуя, всплескивает руками и лезет за метриками за божницу.

Она долго не может найти нужную ей бумагу. За это время пыл ее несколько остывает, ибо, прикинув в уме, она начинает припоминать, что троица в том году, когда была свадьба, как будто бы и в самом деле была ранняя и приходилась на май. Но тут ее внимание отвлекает другое обстоятельство.

– Анка! – слышится опять ее голос. – Ты не убирала из-за божницы венчальные свечи?

– Нет, мам!

– Отец! Уж ты, конечно, не трогал свечей?

– Двадцать пять лет не трогал, – покорно подтверждает Нефедыч. – Как раз со дня самой свадьбы не трогал.

– А я их на прошлой неделе еще видела. Куда же они девались? Наверно, опять Яшка куда-нибудь засунул.

Яшка, поскольку вопрос не обращен прямо к нему, продолжает молча сопеть над доской.

– Яшка! Ты, паршивец этакий, должно быть, извел свечи?

Яшка кончает работу, кладет нож на стол и отвечает серьезно, но в то же время чуть лукаво поглядывая на мать:

– У нас, мам, по наказу Ленина электричество провели, так что мне при нем и без ваших свечей светло.

– Так куда же они делись-то? Вот еще чудные дела! Борща никто не выливал, свечей никто не брал, а ничего на месте нету. Что ты тут с ними будешь делать!

VI

Ранним утром, когда еще в доме все спали, из окошка высунулись белокурые вихры Яшки. Увидав Вальку, нетерпеливо ждавшего возле забора, Яшка спрыгнул на влажную траву, и оба мальчугана исчезли в малиннике. Через минуту они вынырнули оттуда, причем Яшка осторожно нес большой глиняный горшок, завязанный в грязную тряпицу.

Выбравшись за огороды, ребята быстро помчались по тропке, ведущей мимо кустов и оврагов к развалинам «Графского».

По пути Яшка рассказывал про вчерашнюю встречу:

– И вовсе он без гири, а в кармане у него воробей... и козлов они не жрут, а все это мальчишки со страха брешут. А сегодня мы вдвоем к нему пойдем. Ежели он с нами сдружится, он нас от Степкиной компании застоит. Он сильный, и ему все нипочем. А потом, он ежели и вздует кого, то на него некому пожаловаться, а на нас чуть что – и к матери.

– А почему он беспризорный? Так, для своего интереса или домашних никого у него нет?

– Не знаю уж! Не спрашивал еще, только вряд ли, чтобы для интереса: у беспризорных-то ведь жизнь тяжелая. Я вот вырасту, выучусь, на завод пойду или еще куда служить, а он куда пойдет? Некуда ему вовсе будет идти.

Роща встретила мальчуганов утренним шумом, задорным гомоном пересвистывающихся птиц и теплым парным запахом высыхающей травы.

Вот и развалины – молчаливые, величественные. В провалах темных окон пустота. Старые стены пахнут плесенью. У главного входа навалена огромная куча щебня от рухнувшей колонны. Кое-где по изгрызенным ветрами и дождями карнизам пробивались поросли молодого кустарника.

Нырнув в трещину каменной ограды и пробравшись через чащу бурьяна и полыни, доходившей им до плеч, ребята остановились перед сплошной завесой буйно разросшегося одичалого плюща. Посторонний глаз не разглядел бы здесь никакого прохода, но ребята быстро и уверенно взобрались на полусгнивший ствол сваленной липы, раздвинули листву, и перед ними открылось отверстие окна, выходящего из узкой, похожей на колодец комнаты без крыши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.